

роли указательного и среднего пальцев в осуществлении процесса письма. Не потому ли старый способ письма, при котором средний палец выполнял почти ту же функцию, что ныне наш указательный, а конец указательного был подтянут кверху, — не потому ли этот способ стал вызывать большие, как это по всему видно, затруднения, чем прежде, что писцы повсюду начали подгибать безмянный палец, и он не мог теперь помогать среднему?

Итак, изучив изображение различных сторон процесса письма в раннесредневековой иконографии писцов, мы установили, что в период с конца VII по XI в. включительно континентальные писцы перешли к писанию на наклонной повышенной плоскости; этому предшествовало изменение в положении безмянного пальца и мизинца пишущей руки: в отличие от практики письма поздней античности писцы начали опирать кисть правой руки на концы полусогнутых безмянного пальца и мизинца. Оба явления, по-видимому, были вызваны поисками более удобного способа письма при имевшем место в раннем средневековье изменении формата создаваемых писцами книг в сторону его увеличения. Долее всего древний способ письма, вероятно, удерживался в скрипториях Галлии, что естественно связывается с крепостью традиций, например, скриптория такого видного монастыря, каким был монастырь св. Мартина в Туре, а также с известным оживлением позднеантичного наследия в пору Каролингского возрождения, которое ярче всего проявилось именно в Галлии.

С переходом к писанию на наклонной поверхности отпала необходимость в опоре кисти пишущей руки на концы безмянного пальца и мизинца, и последние были согнуты еще более. К характерному для континентальных писцов XI в. способу письма островные (ирландские и англосаксонские) писцы пришли своим путем ранее VIII в. и оказали несомненное влияние на континентальных писцов. Изменение в положении безмянного пальца, по-видимому, было причиной наблюдаемого нами усиления роли указательного пальца в процессе письма за счет среднего, который при старом способе письма выполнял функцию нашего указательного.

Т. Н. ТАЦЕНКО

ПАЛЕОГРАФИЯ НЕМЕЦКИХ ДОКУМЕНТОВ XVIII в.

Немецкое письмо документов XVIII в., т. е. неоготический курсив, продолжило эволюцию немецкого письма XVI—XVII вв., проходившую по линии сохранения и развития готических черт.¹ Ис-

¹ См. наши статьи о немецком неоготическом курсиве XVI и XVII вв. соответственно в: Вспомогательные исторические дисциплины. XI. Л., 1979; XII. Л., 1981.

следование неоготического письма документов XVIII в., еще никогда не предпринимавшееся в отечественной науке и сравнительно недавно только начатое зарубежными специалистами,² имеет для нас особое значение, ибо большинство немецких документов XVI—XVIII вв. из числа хранящихся в советских собраниях приходится на XVIII в. Не следует также забывать, что изучение неоготического курсива XVIII в. может дать ряд конкретных результатов, ценных для истории немецкой культуры и образования в целом.

Основой настоящего исследования послужили документы различных немецких канцелярий XVIII в., а также письма германских владетельных особ и частных лиц этого периода, которые хранятся в коллекциях Западноевропейской секции Архива ЛОИИ СССР АН СССР. Изучено около 500 памятников письменности. Большое значение имело привлечение в качестве источников для настоящей работы и ряда учебников письма — немецких каллиграфических сочинений XVIII в., сыгравших, как будет показано далее, немаловажную роль в развитии письма.

В 1707 г. в Дрездене выходит в свет учебник письма Михаэля Боргерна,³ писца канцелярии курфюрста Саксонского. В предисловии автор пишет, что прежние сочинения по каллиграфии были малоудачны из-за обилия изломов в приводимых образцах письма, особенно во фразатуре и в канцелярском письме, а также из-за множества завитков и росчерков в формах букв. «Это вызывало досаду у читателей, — продолжает М. Боргерн, — и отвращало их от достижения намеченной цели овладеть письмом до такой степени, что теперь многие не умеют писать вполне строгим письмом (*eine recht scharffe Schrift*)... такое положение и заставило меня, — заключает каллиграф, — выпустить для молодежи новую книгу образцов письма, в которых встречаются только самые необходимые изломы (*nur die allernöthigsten Brüche*) и совсем мало завитков и росчерков (*etwas weniges an Zugwerk*)».⁴

В трактате имеются образцы фразатуры, канцелярского письма, курсива. Каждый из видов письма представлен одним вариантом. Главное отличие интересующего нас образца курсива от курсивного письма XVII в. состоит в отсутствии свойственных последнему характерных декоративных элементов: округлых петель — остатков излома, мелких извивов, изогнутых вертикалей и т. д. Место овалов, гибких размашистых петель, свободных росчерков занимают теперь отчетливо выраженные заострения, узкие продолговатые петли, прямые выносные. Корпуса букв выписаны правильными, прямыми, очень четкими штришками. Картина динамичного, живого, гибкого письма, перенасыщенного украшениями,

² См.: Таценко Т. Н. Палеография немецких документов XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины, XI, с. 292—294.

³ Borgern M. Vorschrift und gründlicher Unterricht vor die Jugend in Anleitung zur Current-Cantzley und Fractur Schrift. Dresden, 1707.

⁴ Ibid., S. 1.

сменяется видом письма статичного, ясного и даже подчеркнуто суховатого, с отчетливыми и соразмерными в их пропорциях буквами, тонкими, прямыми, не вносящими излишней суеты и беспорядка выносными и росчерками.

Необходимо, правда отметить, что некоторые декоративные элементы букв, возникшие в XVII в., продолжают встречаться. Это касается главным образом ряда больших букв курсива. Например, встречается прием перечеркивания прописной буквы или ее части волосной осью.

Автор рассматриваемого учебника рекомендует для письма тонкое, острое, с равносторонней заточкой перо (*feine starcke Feder*). Как и в наше время, переход от волосных к утолщениям при таком пере происходит с помощью усиления или ослабления нажима; он совершается постепенно, поэтому контраст между волосными и жирными штрихами форм букв ослаблен.

Руководствуясь данными учебника М. Боргерна, можно отметить два важных момента в развитии форм букв курсива. Во-первых, в качестве образца на страницы трактата попадает форма е с «плечиком», опущенным на строку *н*. До сих пор она существовала лишь в беглых почерках. В парадных документах ее заменяла е с менее развитым «плечом» *н*, она же была характерна и для учебников письма. Таким образом, более беглая форма канонизируется каллиграфией и становится единственным примером для подражания, что, конечно, повлияло на ее распространение в письме.

Второе изменение касается буквы г. Из трех ее форм, употребившихся в XVII в. (ломаной, прямой и беглого варианта последней — с изломом-расщепом), автор избирает только беглую *н*. Каллиграфия вслед за письмом документов отказывается от традиционного разделения функций различных форм г путем сведения их к одной — самой беглой. Это служило к упрощению и регуляризации письма.

Помимо рекомендаций, связанных с письмом, трактат содержит образцы составления различных документов: грамот, официальных писем, доверенностей.

Итак, в учебнике письма 1707 г. саксонского каллиграфа М. Боргерна совершенно отчетливо прослеживается тенденция к отступлению от излишне усложненного и запутанного письма предыдущего периода и перехода к «строгому» и четкому письму. Выраженная профессиональным писцом канцелярии, эта тенденция отражает потребность последней в более простом и ясном письме.

Отмеченная тенденция в развитии письма стихийно проявилась еще в конце XVII в. в письме документов. С этого времени все чаще и чаще начинают попадаться почерки со строгими формами букв, упорядоченными пропорциями.

Характерное для каллиграфических сочинений еще в XVII в. стремление к унификации письма в интересах канцелярий по-

средством сведения множества типов курсива к единственному в XVIII в. усилилось. Особым образом оно проявилось в учебнике письма 1714 г. прусского каллиграфа, преподавателя Берлинской гимназии Хильмара Кураса.⁵ Учебник называется «Королевская каллиграфия», такое название не случайно, так как он открывается привилегией Фридриха Вильгельма I, короля Пруссии. В ней содержится распоряжение, запрещающее кому бы то ни было печатать и распространять другие учебники письма, а также ввозить таковые из-за границы, равным образом перепечатывать труд самого Х. Кураса и продавать его. За нарушение перечисленных установлений вводился штраф в 50 талеров.⁶ По словам привилегии, прусский король создал для учебника Х. Кураса столь выгодные условия, «принимая во внимание чрезмерные тяготы расходов на его издание, а также пользу, которую получит публика и все Наши учреждения (alle Unsere Collegia), когда это четкое (deutliche), изящное и в настоящее время излюбленное письмо для канцелярий распространится повсюду в Наших землях и юношество сможет ему обучаться».⁷

Курсив Х. Кураса (рис. 1) соединяет в себе все характерные черты немецкого письма в их наиболее выразительном виде: корпуса букв очень сильно растянуты (ширина корпуса букв n, u превышает высоту почти в два раза), вес письма значительный — 0.6—0.7 мм, контраст между волосными и утолщениями подчеркнут, несмотря на применение тонкого пера с равносторонней заточкой, которое рекомендует автор для выписывания курсива.⁸ Вертикали корпусов букв наклонены влево. Сами формы букв также стилизованы посредством особого выделения их национальных элементов. Так, соответствующие элементы a, d, g, o и других букв не воспринимаются как округлости из-за того, что они широко разомкнуты, заострены и растянуты. В основе форм букв лежит заостренный штрих с двумя волосными зачинами , он же составляет форму с. Именно так осмысливал свое письмо сам автор, написавший в своем учебнике: «Основой данного вида курсива служит исключительно (einzig und allein) с-образный штришок, так как с его помощью выписывается большинство букв».⁹

Как и М. Боргерн, Х. Курас предлагает для буквы e форму с опущенным на строку «плечом». Три формы r также сведены к одной — с изломом-расщепом. Петли, отмечающие эти изломы у r, как и у других букв, выражены отчетливо, но теперь это не прежние размашистые петли, а маленькие и аккуратные (см. формы букв r, v, w на рис. 1).

⁵ Curas H. Calligraphia Regia Königliche Schreib Feder dergleichen noch nie zum Vorschein kommen. Berlin, 1714.

⁶ Ibid., без нумерации. с. 3 по счету.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., с. 4 по счету.

⁹ Ibid.

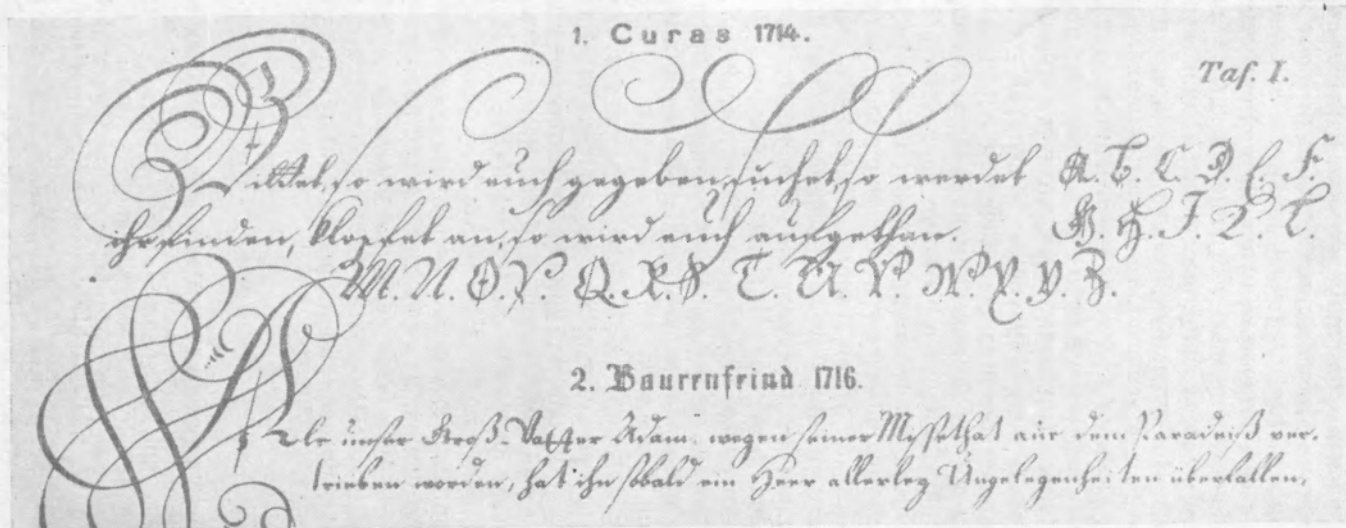

Рис. 1. Образцы письма из каллиграфических трактатов Х. Кураса (1714) и М. Бауренфайнда (1716).
Воспроизводятся по изданию: К а š p a г J, Uvod do novověké latinské paleografie. Praha, 1975, str. 243.

Вертикали выносных в рассматриваемом курсивном образце размерены и упорядочены, они не усложняют картину письма, выход верхних и нижних выносных примерно один и тот же.

В целом письмо Х. Кураса также значительно отличается от курсива XVII в. своей четкостью, канцелярской сухостью и строгостью, относительной скупостью в отношении декоративных элементов.¹⁰ При этом с особой силой выступают национальные черты немецкого письма. По существу образцы прусского каллиграфа уже содержат в себе все характерные черты немецкого канцелярского и школьного письма XIX в., за исключением одной: правого наклона корпусных вертикалей букв.

Учебник Х. Кураса (примечательно, что сам автор был учителем письма кронпринца — будущего короля Пруссии Фридриха II) имел большое значение для унификации письма не только в Пруссии, но и в других землях Германии. Поставленный распоряжением королевской власти в особенно благоприятное положение, что отчасти являлось отголоском характерной в то время для Прусского государства политики меркантилизма, отчасти стимулировалось мерами по упорядочению начального образования в стране, он заметно повлиял на ход развития письма в прусских и других германских канцеляриях, а также на учебники письма позднейших немецких авторов. В. Дёде, например, приводит три примера широкого использования образцов письма Х. Кураса (вплоть до их перепечатки) в каллиграфических трактатах XVIII в. Следует подчеркнуть, что первые два из них изданы далеко за пределами Пруссии.¹¹

О популярности учебника Х. Кураса свидетельствует еще одна интересная деталь. Замечательный немецкий писатель Э. Т. А. Гофман в своем сатирическом романе «Житейские воззрения кота Мура», который был написан более чем столетие спустя после выхода в свет учебника Х. Кураса (1819—1821 гг.), еще вспоминает труд известного каллиграфа. В уста кота Мура он вкладывает слова: «... я учился письму по учебнику старого Х. Кураса — единственное из сочинений такого рода, каким обладал мой хозяин — и чуть было не пришел к заключению, что загадочная трудность письма может быть преодолена с помощью большой манжеты, которая поддерживает пишущую руку, изображенную в учебнике».¹²

¹⁰ Ср., например: Таценко Т. Н. Палеография немецких документов XVII в. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII, рис. 3.

¹¹ Prahl A. Fr. Ellwangische Schreib-Feder. Ellwangen, 1748; Koppel J. G. Praktische Anweisung in der Kalligraphie. Ansbach, 1783; Sotzmann D. F. Curassische Vorschriften in deutscher Currentschrift. Berlin. 1792. — См.: Doede W. Bibliographie deutscher Schreibmeisterbücher von Neudörffer bis 1800. Hamburg, 1958, S. 116.

¹² Hoffmann E. T. A. Lebensansichten des Katers Murr. — Hoffmanns Werke in 3. Bd. Berlin—Weimar, 1976, Bd. III, S. 34—35.

Среди документов XVIII в. встречается много исполненных курсивом в духе Х. Кураса.¹³ Следует обратить внимание на то, что некоторые документы не одновременно учебнику, но появились раньше, чем королевская привилегия, помещенная в труде Х. Кураса. Это лишний раз подтверждает тот факт, что характерный тип курсива не был как бы искусственно сконструирован каллиграфом, а был заимствован им в качестве самого популярного из практики прусских канцелярий, где выработался спонтанно. На это указывал и сам автор, отмечая, что посвящает свой учебник «излюбленному (т. е. уже существующему) в настоящее время виду письма» (*jetziger Zeit beliebte Schreib-Art*).¹⁴

Почерки, обнаруживающие стилистическое родство с образцами письма Х. Кураса, свойственны не только документам прусских канцелярий. К таким документам принадлежит, например, письмо Карла Фридриха, герцога Шлезвиг-Гольштейнского к Вильгельму Фридриху, маркграфу Бранденбургскому от 1725 г.¹⁵ В соответствии с рекомендациями Х. Кураса буквы выписаны тонким пером с равносторонней заточкой. Вес письма небольшой, так как достаточная беглость почерка не позволила пишущему делать значительный нажим на перо. Знаменательно еще одно отличие — наклон корпусных вертикалей рассматриваемого почерка правый. Число почерков с правым наклоном вертикалей корпусов с самого начала XVIII в. неуклонно растет. Этому сопутствует уменьшение растянутости письма: пропорции корпусов букв письма герцога Шлезвиг-Гольштейнского почти квадратные. Беглость придает почерку большую свободу и непосредственность, чем в каллиграфическом образце учебника, формы букв необыкновенно гибкие, они совершенно лишены заострений.

Для изучения немецкого письма XVIII в. очень важны и каллиграфические сочинения Михаэля Бауренфайнда, служившего в городской канцелярии Нюрнберга. Его учебник «Полное восстановление изящного искусства письма» вышел в Нюрнберге в двух частях: первая — в 1716 г., а вторая — в 1736 г.¹⁶ Название этого труда знаменательно. Автор сетует на «пришедшее в упадок» искусство письма, его усложненность и неправильные пропорции. Главная цель М. Бауренфайнда — показать, как составляются и выписываются красивые буквы с правильными пропорциями (*die proportionierte gute Gestalt*), что достигается при помощи соответствующим образом расположенной сетки вспомогательных точек

¹³ См., например: Архив ЛОИИ СССР, ЗЕС 15/424, 9/431, 3/778 и др.

¹⁴ Curas H. *Calligraphia*..., с. 1 по счету.

¹⁵ См.: Архив ЛОИИ СССР, ЗЕС 15/424.

¹⁶ Baurenfeind M. *Der zierlichen Schreib-Kunst Vollkommener Wiederherstellung Erster Theil*. Nürnberg, 1716; *Der zierlichen Schreib-Kunst Vollkommener Wiederherstellung Anderer Theil*. Nürnberg, 1736. — В нашем распоряжении имелся только второй учебник М. Бауренфайнда, поэтому все заключения о его взглядах на искусство письма основываются на этой работе.

и линий (Puncta und Linien), подобно прописям теперешних первоклассников. Важным достоинством своих образцов письма Бауренфайнд считает простоту и то, что обучиться им легко и правильно может каждый.

Все буквы каллиграф делят на четыре группы: формы букв без выносных, с нижними выносными, с верхними выносными, с верхними и нижними выносными одновременно. Он располагает их между пятью тонкими горизонтальными линиями, которые делят пространство на четыре равных промежутка и регулируют, таким образом, высоту корпуса букв, выход их выносных. Длина верхних и нижних выносных должна быть одинаковой.

Формы букв курсива Бауренфайнда просты и строги, они лишены декоративных элементов (см. рис. 1). По сравнению с письмом Кураса характерные национальные особенности форм букв выражены гораздо слабее. Так, окружности в формах букв (например, а, о, g и др.) замкнуты, изломы-расщепы смягчены (см. формы букв г, v, w и др.). Каждая из букв дана в единственной форме. Для буквы е Бауренфайнд предпочитает старую форму с плечом, не опускающимся на строку. Форма буквы г представлена в одном излюбленном и другими каллиграфами XVIII в. варианте — с изломом-расщепом. Корпуса букв курсива нюрнбергского мастера поставлены почти вертикально либо чуть-чуть наклонены влево (85°); их растянутость небольшая, заметных заострений нет.

То обстоятельство, что национальные черты в курсиве М. Бауренфайнда проступают относительно слабо, объясняется крепкой в Нюрнберге ренессансной традицией искусства письма (трактаты И. Нойдерфера Старшего, В. Фуггера, А. Нойдерфера), которая способствовала сохранению геометрически правильных и рациональных форм.

Итак, учебник письма М. Бауренфайнда также свидетельствует о наметившейся с начала XVIII в. классицистической тенденции в немецкой каллиграфии. Отныне пропагандируются простые и строгие формы букв, противопоставляющиеся сложному и изощренному письму XVII в. Для упорядочения письма необходимы провозглашаются строгие пропорции и точность в их соблюдении.

На ход развития немецкого письма в XVIII в. сильно повлиял ряд правительственных мероприятий по организации народного образования. Так, в 1763 г. в Пруссии Фридрихом II был издан закон (General-Schul-Land-Reglement), устанавливающий обязательное посещение начальных школ детьми крестьян. Правда, в качестве учителей во вновь создаваемые школы за недостатком средств привлекались инвалиды. В 1774 г. подобное нововведение было принято Марией Терезией для Австрии (Allgemeine Schulordnung für die deutschen Normal-Haupt- und Trivialschulen...). Оба мероприятия предполагали ограничение влияния церкви на народное образование и усиление влияния государства.

Начальные школы в Пруссии и Австрии назывались Trivial-schulen от слова *trivium*, так как обучались в них трем предметам. Кроме закона божьего, это были чтение, письмо и счет.¹⁷ Таким образом, преподавание письма, став одной из основ обязательного народного образования, существенным образом расширяло круг пишущих, что в свою очередь способствовало упорядочению письма, а также сказалось на характере учебников.

Чтобы унифицировать преподавание письма в австрийских школах, в Вене в 1775 г. было предпринято издание учебника под названием «Введение в искусство письма»,¹⁸ и хотя имя автора не обозначено, известно, что им был Иоганн Шальте — преподаватель письма венской школы.¹⁹ Классицистическая тенденция к упорядочению письма, точной регламентации всех его элементов, наконец, к строгости и простоте находит здесь свое наивысшее выражение. Регламентируется абсолютно все: пропорции корпусов букв, длина выносных, расстояние между словами, наклон вертикалей форм букв. Единственным пером, пригодным для курсива, считается тонкое перо с равносторонней заточкой. Острием пера автор рекомендует выводить волосные линии (*Haarstriche*), а всей шириной — утолщения (*Schattenstriche*). Высота корпуса буквы должна равняться увеличенной в три раза ширине кончика пера, ширина корпуса буквы — увеличенной в пять раз.²⁰ Что же касается верхних и нижних выносных, то они должны превышать корпусу буквы на три ширины узкого среза пера, т. е. равняться корпусу буквы. Для расстояний между словами устанавливается ширина, равная одному корпусу буквы. Останавливаясь на характеристике наклона букв, И. Шальте определяет для длинных вертикалей выносных правый наклон (*allzeit zur Rechten geneiget*), а для корпусных вертикалей — прямое положение либо легкий наклон влево (*steht entweder grad aufrecht oder neiget sich ein wenig zur Lincken*). Здесь автор следует традиции учебников письма документов, для корпусов букв которых в это время уже характерен почти исключительно наклон вправо. Это отразилось и на образцах письма Шальте. Если внимательно взглянуть на корпус их букв, то можно увидеть, что они, как правило, располагаются под прямым углом, иногда слегка наклонены влево, но нередко имеют небольшой наклон вправо. Соединения штрихов в формах букв курсива Шальте гибкие и мягкие, изломов и заострений нет, формы обладают заметной округлостью. Буквы *r*, *w*, *v* совершенно утратили нижние изломы-расщепы. Плечо *e* плохо развито, оно не опускается на строку. Декоратив-

¹⁷ Helfert J. A. Die Gründung der Oesterreichischen Volksschule durch Maria Theresia. Prag, 1860, S. 323—332.

¹⁸ Anleitung zum Schönschreiben. Wien, 1775.

¹⁹ Helfert J. A. Die Gründung..., S. 538; Kašpar J. Úvod do novověké latinské paleographie. Praha, 1975, str. 168.

²⁰ Anleitung..., S. 9—10.

ные петельки и росчерки встречаются лишь кое-где в больших буквах. Как видно из перечисленных характеристик, национальные особенности немецких форм букв здесь особенно ослаблены. Это связано с тем, что данный учебник появился в Австрии, где на особенности стиля письма влияли вкусы и традиции входящих в состав империи негерманских народов. Кроме того, учебник был рассчитан на широкие круги обучающихся, а это требовало от образцов письма известной простоты, необходимой для легкости их усвоения.

Стремление немецкой каллиграфии XVIII в. к отрицанию в письме эстетических норм барокко, проявляющихся в отсутствии соразмерности и четких пропорций в формах букв, декоративных излишествах, отчетливо выражают слова из учебника письма конца XVIII в. саксонского мастера К. Г. Росберга. Он призывает пользоваться в каллиграфии «законами геометрии, а не полагаться только на глазомер и стремиться поднять немецкое искусство письма до высот математики, чтобы в будущем никто не смог его произвольно изменять».²¹ Итак, вполне очевидно возвращение каллиграфии XVIII в. к правилам мастеров письма эпохи Возрождения, которые были отвергнуты в XVII в. каллиграфами барокко. Точные измерения вновь предпочитают глазомеру. Однако теперь, являясь выражением правил классицистической эстетики, они нередко сводятся к мелочной регламентации письма, сковывая и ограничивая возможности пишущего.

XVIII век — последний в ряду трех веков (XVI, XVII, XVIII), когда совершалось становление и развитие немецкого письма, период, в который немецкий курсив получает окончательное оформление. В это время не происходит коренных изменений в строении форм букв, их уже сложившийся облик только кристаллизуется и приобретает завершенность. Рассмотрим, каким образом это достигалось. Для наглядности изложения будем отсылать к таблице, называя при этом букву и номер ее рисованной формы по порядку. Нумерация для форм малых и больших букв общая.

В XVIII в. вполне устанавливается классический вид буквы а. Главной его особенностью является разомкнутость окружности формы буквы в верхней части. Все разнообразие форм а представлено гаммой от совершенно открытой, заостренной и утратившей связь с собственно окружностью (X. Курас) до закрытой (М. Бауренфайнд), но сохраняющей единый дукт формы. Последний обязательно предполагал петлю — остаток излома в месте соединения окружности с верхним концом вертикали. Почти всегда петля была достаточно небольшой и не замыкала окружность буквы (а 1, 3), которая таким образом оставалась открытой, в ред-

²¹ Doede W. Bibliographie deutscher Schreibmeisterbücher von Neudörffer bis 1800. Hamburg, 1958, S. 23.

Формы букв немецкого курсива XVIII в.

a A	a a u A U	p P	z Z f F
b B	b b B B	q Q	y Y q Q
c C	c c C C L	r R	w w v m R Z R
d D	D D D D D	s S	r r S S
e E	e e e e e	sch	sch sch
f F	f f f f f	ss	ss ss
ff	ff ff	st	st st
g G	g g g g g	t T	t t t t t
h H	h h h h h	tt	tt
ij D	i j j j j	u U	u u u u u
k K	k k k k k	v V	v v v v v
l L	l l l l l	w W	w w w w w
m M	m m m m m	x X	x x
n N	n n n n n	y Y	y y
o O	o o o o o	z Z	z z

ких случаях петля — остаток излома замыкала окружность буквы, и она тем самым закрывалась (а 2). Дукт а гуманистического курсива (каковая господствовала в итальянском и французском письме) был принципиально иным: кружок и палочка — вот что составляло основу буквы. Там не оставалось места соединительной петле — видоизмененному, приспособленному к беглости, но живому остатку готического письма, который, сделавшись составным элементом многих букв немецкого курсива, существовал до середины XX в. Прописная А своими очертаниями повторяет строчную. В целом она становится более строгой, оставляя в большинстве случаев декоративные элементы, свойственные ей в XVII в. Латинская форма А гуманистического курсива, знакомая нам и по современному письму, также употреблялась в XVIII в., но ведущей оставалась национальная, существовавшая до середины XX в.

Форма b в немецком курсиве XVIII в. беглая, она выписывается одним взмахом пера. Единственное ее отличие от b округлого латинского курсива состоит в некоторой заостренности формы. Ось буквы удлинена. Заглавная В чаще всего имеет национальную форму, происшедшую из прописной. В ней, хотя и в несколько смягченном виде сохраняются декоративные элементы барокко: петля — остаток излома, изгиб оси, прихотливо извивающийся зачин (В 3). Реже встречается форма В латинского алфавита, аналогичная современной, в немецком письме она становится менее строгой, приобретает либо характерный излом, либо декоративную петельку (В 4).

В XVIII в. канонической формой с немецкого курсива становится форма, состоящая из заостренного штришка с двумя волосными зачинами (с 1). Встречавшаяся в документах предшествующего периода лишь время от времени, теперь она стала всеобщей. В ее распространении велика роль каллиграфических сочинений, сделавших эту форму в XVIII в. образцом для подражания. Беглые почерки дают примеры с округленной внизу (с 2). Нижний кончик округлой формы заглавной С нередко загибается внутрь (С 4). Стремление к строгому и отчетливому письму в XVIII в. не может преодолеть прочной традиции в употреблении и другой формы С — с изогнутой дугой. Она используется довольно часто (С 5).

Среди форм d в курсиве XVIII в. преобладает петлистая, с открытой окружностью, нарочито заостренной в каллиграфических почерках (X. Курас) (d 1). Она стала классической и существовала до середины XX в., разительно отличаясь от прямой d округлого латинского курсива, знакомой нам по современному письму. Такое же предпочтение национальной форме обнаруживает и заглавная D, в укрупненном виде она повторяет строчную (D 3). Во многих случаях ей также свойственна заостренность, которую не всегда могла нейтрализовать даже беглость (D 4). Несмотря на то что в немецком курсиве существовала и D, род-

ственная форме округлого латинского курсива (D 5), национальная, уходящая корнями в готическое письмо, употреблялась много чаще, ее вариант дожил до середины XX в.

В XVIII в. форма буквы е достигает степени своего полного развития. Ее «плечо», ранее имевшее лишь тенденцию опускаться, теперь прочно становится на строку (е 2). Данная форма в XVIII в. в письме документов преобладает. Ее сходство с п, конечно, сильно затрудняет чтение; чтобы не путать эти две буквы, необходимо все время обращать внимание на их пропорции: форма е значительно уже п. Как ранее отмечалось, большую роль в распространении описываемой формы е сыграли учебники письма, сделавшие ее в XVIII в. канонической. Распространение этой формы в известной степени объяснялось и ее беглостью. Специфическая немецкая форма е прочно утвердилась в письме XVIII в. и господствовала до середины XX в. Нарядные, рассчитанные на определенный декоративный эффект заглавные формы E XVII в. в рассматриваемый период сменяются беглой, характерной еще для XVI в., но впоследствии потесненной изысканными формами в барочном вкусе (E 3). Употребление более строгой формы закрепляется в XVIII в. под воздействием общих эстетических вкусов времени, а также с помощью широко пропагандировавших ее каллиграфических учебников. Она становится обычной и для письма последующих веков.

В формах букв f и длинной s в XVIII в. упрощается дукт, при котором буква выписывается сверху вниз с выразительным зачином (f 2, s 1). Привычными становятся лигатуры sch, где s переходит в c на уровне корпусов, а не опускается сверху (sch 1, 2), и ss (ss 2), s при этом теряет половину своей длины, что оказывает влияние и на форму f, которая иногда встречается также в «сокращенном» виде (f 4). У рассматриваемых форм f s сильно развиваются зачины.

Наиболее распространенными из прописных форм F в XVIII в. становятся беглые и сравнительно простые (F 5, 6), оттеснившие перегруженные декором и слишком изысканные формы XVII в.

В рассматриваемый период окончательно утверждается распространенная и ранее разомкнутая форма g, в каллиграфических сочинениях она подчеркнута заострена, ее вертикаль имеет излом (g 2) (X. Курас). Беглые почерки дают другой пример g, напоминающей форму z (g 3). Заглавная G повторяет строчную, ее укрупненная форма еще более выразительно показывает своеобразные национальные особенности буквы: разомкнутость окружности, излом-расщеп (G 5). Нарядные барочные формы G, свойственные предшествующему времени, в XVIII в. постепенно пропадают, они встречаются лишь в каллиграфических почерках.

Широко распространенной формой h была форма с длинной вертикалью (h 1), которая нередко имела более или менее сильный излом. В беглых почерках петли h пропадали и оставалась лишь одна тонкая и заостренная длинная вертикаль. Заглавная

форма Н в основе своей содержит h малую с изломом вертикали (Н 4). Ее декоративные элементы теперь ограничены. Обе специфически немецкие формы малой и большой h существовали до середины XX в.

В XVIII в. прочно устанавливается сосуществование i и j, употребляющихся для обозначения двух разных звуков. Обе формы букв имеют характерные острые зачины слева; j обладает нижней петлей, которая исчезает в стилизованных в национальном духе почерках, и j, таким образом, превращается в заостренную вертикаль с двумя волосными зачинами (j 3). Формы заглавной J беглые и простые, их вертикали лишены свойственных предшествующему периоду барочных извивов. Форма I нередко стилизована подобно прописной C (I 4).

Большое разнообразие сложных национальных форм k в XVIII в. не удается до конца устранить и строгой классицистической эстетике письма. Щедро декорированные в парадных документах и очень трудные для узнавания в беглых почерках, они продолжают встречаться в рассматриваемый период. Им сопутствует традиционная, более простая форма k, появившаяся уже в XVI в. (k 3). Ее как правильную и строгую предпочитают все учебники письма XVIII в. По мере течения времени она все чаще и чаще начинает употребляться в письме документов. Забегая вперед, следует отметить, что именно ей принадлежало будущее. Ее позиции продолжали укрепляться в письме XIX в., в качестве канонической формы она просуществовала до середины XX в. Не менее легким был процесс утверждения в немецком письме XVIII в. наиболее беглой и простой для восприятия маюскульной формы K. Сложные барочные формы были очень близки национальному вкусу. Только к концу века становится преобладающей сравнительно простая форма буквы (K 5).

Аналогичную картину мы наблюдаем в эволюции формы L. Пристрастие писцов к изогнутым и ломаным формам постепенно преодолевается естественным стремлением к ясности и четкости. Этому в немалой степени способствуют каллиграфические сочинения, они пропагандируют форму, близкую к современной (L 4), которая широко распространяется в немецком письме документов к началу XVIII в. Встречающиеся еще в это время прихотливые барочные формы свидетельствуют о неодновременности этого процесса. Минускульная l варьирует в зависимости от степени и характера стилизации конкретного почерка, ее очертания принимают то заостренный вид, то становятся гибкими и скругленными.

Вертикали корпусов m и n в XVIII в. в большинстве случаев наклонены вправо. Относительно простые по сравнению с письмом XVII в. маюскульные M N характеризуются изломами-расщепами внизу или чаще всего вверху (M 4, N 4). Совершенно строгие формы этих букв, без изломов, также встречаются в письме документов интересующего нас времени, но преобладающими остаются стилизованные в национальном духе M N с изломами. По-

следние свойственны и каллиграфическим сочинениям. Приблизительно в таком виде они существовали до середины XX в.

Отличительной чертой немецкой формы о служит непременная разомкнутость ее окружности (о 1, 2). В учебниках письма и парадных почерках эта особенность подчеркивается. Будучи чуждой форме о округлого латинского письма, немецкая форма дожила почти до наших дней. В заглавной форме О чувствуется тенденция к выпрямлению изгиба, свойственного барочной форме (О 3, 4).

Буква q — сравнительно редкая для немецкого письма. Окружность ее формы разомкнута, в каллиграфических почерках она заострена (q 1). Учебники письма предлагают маюскульную форму, своими очертаниями повторяющую минускульную, однако в беглых почерках часто употреблялась другая, более свободная форма, напоминающая цифру 2 с замкнутой петлей (Q 4). Каноническими для учебников и каллиграфических почерков становятся две первые формы, они наследуются письмом последующих веков.

Как уже отмечалось, из трех существовавших ранее форм г каллиграфия XVIII в. делает канонической беглую, наиболее соответствующую общим особенностям немецкого письма, национальным вкусам форму с изломом-расщепом (г 1, 2). Сделанная образцом для подражания, г еще быстрее распространяется в письме документов. Многообразие форм г полностью устраняется в XVIII в. В зависимости от характера конкретного почерка меняется и ее стилистическая окраска. Петли изломов-расщепов в некоторых случаях утрачиваются, и форма буквы, таким образом, становится похожей на открытый вверху маленький прямоугольник (г 3). Казалось бы, вполне естественной была округлость для нижней части буквы, но национальная приверженность к излому-расщепу не позволяет упростить форму даже тогда, когда сами петли излома-расщепов пропадают. В особенно беглых почерках данная форма видоизменяется совершенно противоположным образом: петли излома-расщепов не пропадают, но чрезмерно разрастаются, что приводит к сходству буквы с формой m (г 4). Из заглавных форм наиболее соответствующей духу времени становится четкая и ясная буква, продолжавшая господствовать и в последующие века (R 5). Другая, менее характерная, повторяет уже вышедшую из употребления ломаную г, иногда она сопровождается зачином (R 6, 7).

Из множества декоративных барочных форм буквы t предшествующего времени в XVIII в. в письме документов упрочивается наиболее простая и строгая с длинной тонкой вертикалью (t 1). Данная форма t беглая, она выписывается в один прием. Канонической рассматриваемую форму считают и учебники письма. Заглавной форме Т в XVIII в. еще не удается полностью освободиться от барочных декоративных излишеств, ее ось зачастую изогнута, встречаются перечеркивания букв волосной осью (Т 4). Поэтому постепенно в качестве большой буквы начинают упо-

треблять беглую, повторяющую своими очертаниями малую форму (Т 5). В таком виде прописная Т существует до середины XX в.

Появление заглавной формы U относится к середине—второй половине XVII в. Ранее эта форма не существовала, так как для начала слова всегда использовалась V. Именно в XVIII в. устанавливается классическая прописная форма U немецкого письма. Она достаточно проста, национальные черты сказываются в наличии петли излома-расщепа в месте соединения двух вертикалей (U 3, 4). Эта же форма пропагандировалась и каллиграфическими сочинениями.

Дукт формы v в интересующее нас время не меняется. Главной ее особенностью продолжает оставаться петля излома-расщепа в нижней части буквы (v 1, 2). Период чрезмерного разрастания «плеч» буквы, придававших ей барочную непосредственность, к началу XVIII в. заканчивается. Небольшие «плечи» v в беглых почерках приводят к сходству буквы с г. Большая форма V повторяет малую, отличаясь от нее лишь в беглых почерках, когда быстро движущаяся рука писца не успевала выписывать петлю излома-расщепа, «основание» буквы превращалось в часть прямоугольника (V 5).

Перейдем теперь к характеристике букв, в основе форм которых лежит v. Все они имеют излом-расщеп. Форма w в беглых почерках становится трудной для узнавания: петля излома-расщепа приподнимается, что превращает w в ряд корпусных вертикалей с росчерком (w 1, 2). Появившаяся в XVII в. другая форма w, не связанная с дуктом v, хотя и реже, но встречается в XVIII в. (w 3). Однако не ей принадлежало будущее. Канонической до середины XX в. считалась национальная форма с излом-расщепом.

Несмотря на стремление в письме XVIII в. к ясности и простоте, из форм p утверждается и распространяется форма не с прямой, а с ломаной вертикалью (p 1, 2), что в большей степени соответствовало национальным вкусам. Данная форма p — беглая, она выписывалась в один прием, ее ось заканчивалась петлей, а не заострением или жирной точкой, как в XVII в.; это нововведение пришло, несомненно, из беглого письма и облегчило связку с последующей буквой. Заглавная форма P — простая и беглая, она выписывается одним взмахом пера (P 4). Описанные минускульная и маюскульная формы были каноническими и в учебниках письма, они существовали до середины XX в.

Из форм x в XVIII в. преобладающей является утратившая излом-расщеп, дукт ее упрощается (x 1). Такой она мыслилась и каллиграфией. Менее беглая форма употребляется для заглавной (X 2). Как видно, она напоминает X округлого письма, национальные особенности находят свое выражение в легком верхнем изломе правой части буквы.

В форме y излом-расщеп сохраняется и подчеркивается. Его гибкая петелька не мешает беглости формы. Для облегчения схва-

тывания буквы глазом в тексте она сопровождается двумя надписными точками или чаще всего штришками (у 1).

Форма z в XVIII в. становится более гибкой, она освобождается от декоративных элементов — излишних петель и росчерков.

Перейдем теперь к количественным характеристикам немецкого курсива XVIII в. Вес письма, т. е. ширина утолщенных линий, небольшой. В среднем он равен 0.2—0.3 мм, но чаще всего буквы выписаны целиком тонкими линиями. Контраст между волосными и утолщениями, таким образом, выражен довольно слабо. Исключения составляют каллиграфические почерки парадных документов, рассчитанные на определенный декоративный эффект, а также образцы письма в каллиграфических сочинениях. Последние выписаны с особым тщанием, волосные и утолщения их форм букв подчеркнуты для большей наглядности. Письмо беглых почерков, наоборот, выписано почти всегда очень тонкими штрихами, так как перо, быстро скользя по листу, не могло делать сколько бы то ни было заметных нажимов, ибо это грозило скорости письма. А ведь именно посредством нажима выводились утолщения в курсиве, таков механизм действия тонкого пера с равносторонней заточкой, употребление которого рекомендуют каллиграфы этого времени. Использувавшееся прежде традиционное перо с косым широким срезом конца (чаще всего левым) в XVIII в. уступает место тонкому перу с равносторонней заточкой, аналогичному современному, с той лишь разницей, что это были не стальные, как в наше время, но гусиные перья. Вероятно, здесь сказалось влияние Англии, где раньше всего начали применяться подобные перья. Переход к тонкому перу с равносторонней заточкой, без сомнения, следует считать прогрессивным явлением, упрощающим процесс письма и открывающим новые возможности в его развитии. Все же этот процесс не был одновременным и повсеместным. Как уже отмечалось, применение нового пера затрагивало по большей части беглые почерки, тогда как значительный вес и характерная угловатость некоторых парадных почерков вызывают сомнение в использовании тонкого пера. Это подтверждают и каллиграфические сочинения. Так, X. Курас, рекомендуя выписывать национальный курсив тонким пером с равносторонней заточкой, между прочим, отмечает, что некоторые предпочитают употребление для немецкого письма пера с традиционным косым левым срезом.²² Вполне понятно, почему переход к применению нового пера был в Германии нелегко, ведь старое перо было так хорошо приспособлено для выписывания форм букв с заострениями, ярким контрастом между волосными и утолщениями — неперемных черт родного письма. Однако будущее принадлежало тонкому перу, так как на его стороне было главное,

²² C u r a s H. Calligraphia. . . , с. 4 по счету.

чего не хватало перу с косым срезом, — скорость и легкость выписывания. Что же касается национальной склонности немцев к заострениям в письме, то ее не могло нейтрализовать даже тонкое перо с равносторонней заточкой. Специальная стилизация такого рода затрагивает иногда даже беглые почерки, не говоря уже о каллиграфических. Показательно, что и в Венском учебнике 1775 г. И. Шальте, где национальные особенности письма ослаблены в наибольшей степени, мы находим настоящий совет соединять штрихи букв под острым углом.²³

Корпуса букв немецкого курсива XVIII в. в каллиграфических образцах учебников растянуты. Ширина превышает высоту в 1,2—1,5 раза, а в письме Х. Кураса — в 2 раза. Это связано с традиционным родом стилизации в национальном духе. В данном случае образцы трактатов отстают от реального письма документов, для корпусов букв которого характерны квадратные либо чуть-чуть растянутые пропорции. Ширина превышает здесь высоту не более, чем на $\frac{1}{5}$ своего размера. Небольшая растянутость курсива рассматриваемого периода соответствует тонким штрихам, которые давало на письме употреблявшееся узкое перо с равносторонней заточкой.

Уменьшение растянутости корпусов букв в свою очередь сказывалось на изменении наклона корпусных вертикалей. Важным показателем при датировке письма должен служить их правый наклон в XVIII в. Распространенный уже во второй половине XVII в., теперь он становится преобладающим (см. рис. 2, 3). Показательно, что каллиграфические сочинения и в данном случае отставали от практики письма документов. Вертикали корпусов букв в их образцах прямые либо чуть-чуть наклонены влево (М. Боргерн, Х. Курас, М. Бауренфайнд). Передовым здесь также было беглое письмо.

Классицистическая тенденция к упорядочению письма отражается на характере выносных. Необходимым требованием каллиграфии является равный выход верхних и нижних выносных; обязательность соблюдения этого правила декларируется на страницах учебников письма М. Бауренфайнда (1736 г.) и И. Шальте (1775 г.). Более длинные нижние выносные письма прежнего времени, нередко пересекавшие следующую строку, таким образом, отрицаются. Конечно, от правил в учебнике еще далеко до повсеместного его выполнения на практике. В большей степени это свойственно парадным и регуляризованным почеркам, стихия же беглого письма не всегда подчинялась этому правилу, хотя в целом оно заметно сказалось на письме XVIII в. Чаще всего выносные соразмерны, отсутствует их суетливая путаница, возникавшая из-за чрезмерной длины и пересечений. Средний выход верхних и нижних выносных в это время колеблется от 7 до 10 мм, междустрочное пространство — от 10 до 15 мм. Вертикали выносных

²³ Anleitung..., S. 9.

имеют сильный наклон вправо, в каллиграфических и регуляризованных почерках он равен 60° , в беглых — $50-40^\circ$. В целом курсивное письмо немецких документов XVIII в. производит впечатление более сухого и строгого, нежели письмо XVII в. В этом проявилось распространение эстетики классицизма, которой свойственно стремление к строгой регламентации правил письма, его упорядочению.

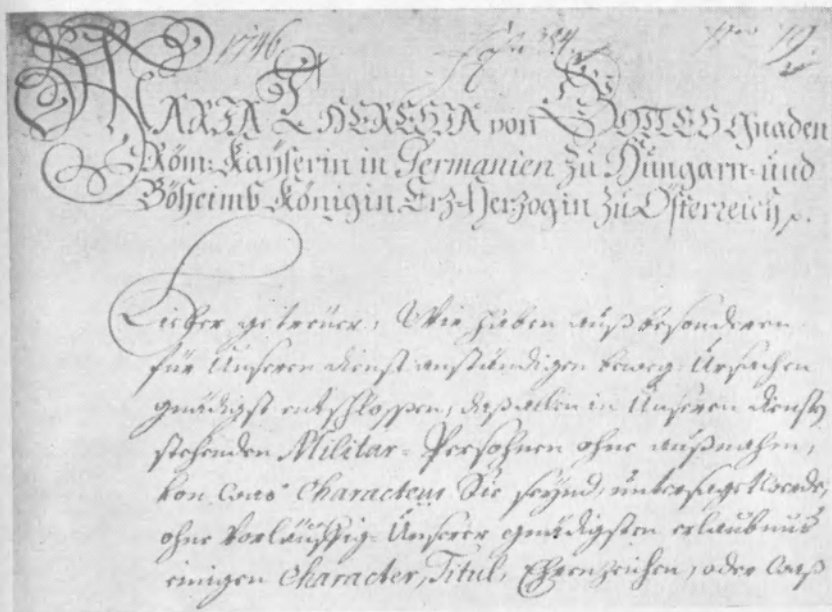

Рис. 2. Регуляризованный канцелярский курсив. Письмо Марии Терезии, императрицы Австрийской, к Карлу, графу Сент-Инньонскому. Вена, 20 X 1776 (Архив ЛОИИ, ЗЕС 36/447).

4. Lieber getreuer, Wir haben auß besonderen
5. für Unseren dienst anständigen beweg Ursachen
6. gnädigst entschlossen, daß allen in Unseren diensten

В курсивном письме немецких документов XVIII в. с большим основанием, чем для прежних периодов, могут быть отмечены некоторые локальные особенности. Ярче всего выражены различия в курсиве документов Пруссии и Австрии. В письме документов первой стилистические особенности немецкого письма проявляются с наибольшей силой (см. рис. 1), тогда как в письме второй они значительно ослаблены (см. рис. 2). Эти отличия, как уже было показано, отчетливо видны и в каллиграфических учебниках.

Несмотря на эти локальные различия, к концу XVIII в. в основном складывается достаточно общий и упорядоченный,

окончательный вид немецкого канцелярского курсива (см. рис. 3). Это регуляризованный канцелярский курсив с соразмерными пропорциями. Он характеризуется сравнительно небольшим весом, квадратными или близкими к таковым пропорциями корпусов, правым наклоном всех вертикалей, почти одинаковыми по своей длине верхними и нижними выносными, прямыми и тонкими, не пересекающими соседнюю строку и не нарушающими

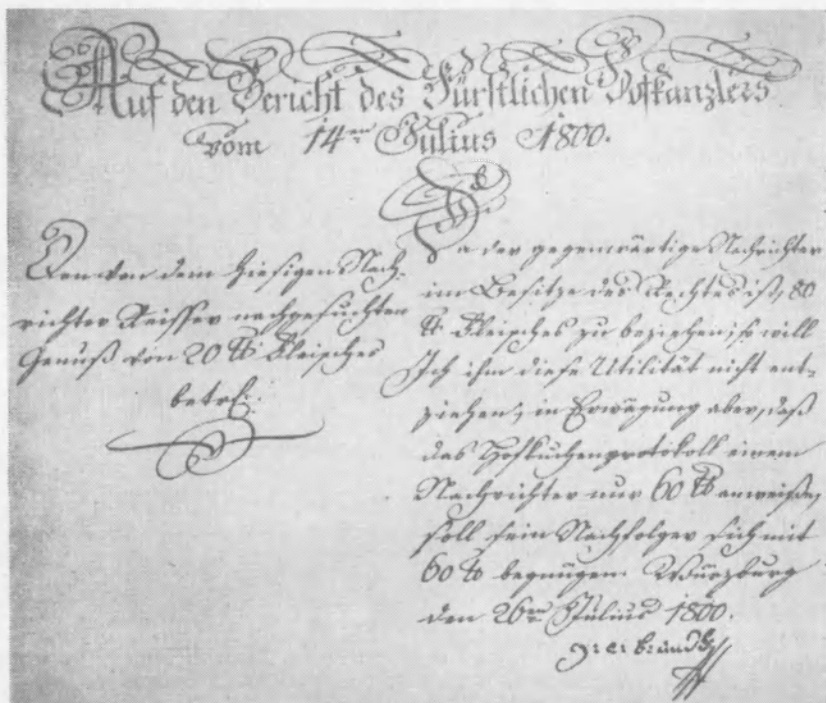

Рис. 3. Регуляризованный канцелярский курсив. Письмо Георга Карла, епископа Вюрцбургского. Вюрцбург, 26 VII 1800 (Архив ЛОИИ, ЗЕС 20/410).

1. Auf den Bericht des Fürstlichen Hofkanzlers
2. vom 14-en Julius 1800.
3. Da der gegenwärtige Nachrichten

ясность картины письма. Формы букв данного типа курсива выписывались чрезвычайно отчетливо, национальные особенности их строения, в частности заостренность, выражены достаточно четко, но без излишней подчеркнутости. Вместе с тем формы букв этих правильных почерков беглые и сравнительно удобные для выписывания. В таком виде немецкий курсив, если не считать ряда уже менее существенных изменений, существовал до середины XX в.

Объективную сложность и неразборчивость своего письма по сравнению с округлым гуманистическим письмом, господствовавшим в это время уже на большей части Европы, понимали сами немцы. Отражением этого является характерный для XVIII в. обычай писать округлым письмом в общем тексте немецкого документа не только иноязычные слова, но и немецкие имена собственные и названия мест.

Постоянно уменьшающееся число сокращений, употребляющихся в письме XVIII в., к концу его достигает современных размеров их применения. Причиной этому послужило стремление к ясности письма, его общедоступности. Используются только наиболее простые и понятные сокращения из числа бывших распространёнными прежде. Как и в наше время, это обрывы общеизвестных эпитетов, обращений, обозначений денежных единиц, мер веса.

Точно так же к концу XVIII в. окончательно устанавливается современная система пунктуации, т. е. применение точек, запятых, восклицательных знаков вместо штрихов, отмечавших смысловые паузы в тексте. Перенос слова обозначается двумя тонкими косыми штришками.

Как мы стремились показать, XVIII век в истории немецкого курсивного письма документов явился периодом упрочения и окончательного оформления национальных форм букв, временем их «дозревания» и кристаллизации. После увлеченности декоративной стороной письма, после периода усложненных форм (XVII в.), что было связано с господством стиля барокко, в письме рассматриваемого периода явственно прослеживаются классицистическая тенденция к упрощению и ясности письма, соблюдение четких пропорций форм букв. Налицо стремление к освобождению от излишней усложненности и декоративных элементов, а также к устранению множественности некоторых форм букв, сведению их к единственной. Большую роль сыграли здесь каллиграфические учебники, осмысливавшие изменения, происходившие в письме и распространявшие новые правила. Немалое значение для упрощения, регуляризации и упорядочения письма имели также действия государства, направленные на устройство народного образования.

Вместе с тем даже под воздействием строгой эстетики классицизма не удалось до конца устранить в немецком письме известное число декоративных элементов: изгибов, изломов, росчерков, в определенной мере усложнявших письмо. Главным образом это касается больших букв. В этом сказалось национальное пристрастие немцев к декоративности.

К концу XVIII в. в основном закончилось развитие немецкого неоготического письма документов; в таком виде, если не считать ряда незначительных изменений, оно просуществовало почти до наших дней.